

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ПРАВЕ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И В СОСТОЯНИИ КРЕСТЬЯН

Два вопроса составляют предмет настоящего исторического обозрения: 1) *о праве поземельной собственности*, т. е. кто мог по закону приобретать право собственности на земли? 2) *о состоянии крестьян*, т. е. в каком отношении к владельцу поземельной собственности состояли крестьяне, на ней живущие? Два сии вопроса столь связаны между собою, что нельзя разрешить одного без другого.

Все изменения в праве поземельной собственности и в состоянии крестьян с удобностию можно разделить на четыре периода: *первый* — от основания Российского государства до издания Судебника великого князя Иоанна Васильевича III, или до 1497 г., когда узаконен был общий срок перехода крестьян от одного помещика к другому; *второй* — от издания Судебника до Уложения 1649 г.; *третий* период — от сего времени до соединения поместий с вотчинами под одним названием *недвижимого имущества*, или до 1731 г.; *четвертый* период — от 1731 г. до настоящего времени.

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ

ОТ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ВРЕМЕН ДО 1497 г.

I. О ПРАВЕ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

При самом вступлении в исторические изыскания излишне будет определить точное понятие права поземельной собственности.

Под сим разумеется здесь право гражданское, а не право державное. Великие князья имели державное право на все земли, в уделе их состоящие, и по праву сему они могли их жаловать в частную собственность; но сверх сего общего, державного права они имели еще частное, исключительное право на некоторые села и волости, особенно им принадлежащие: они располагали ими как при жизни, так и на случай смерти, духовными завещаниями, неограниченно. Словом, они имели на них *полное право* собственности в настоящем смысле сего слова.

Бояре, княжие мужи, дети боярские и дворяне имели также право собственности на земли, но право их подлежало ограничению и не было право полное. Волости, села и деревни, жалованные от князей для содержания бояр с их дружинами на службе, не могли быть отчуждаемы, но поступали к наследникам настоящего владельца тогда только, когда они оставались на службе того же князя.

Земли купленные состояли в полном владении приобретателя и могли быть им отчуждаемы как при жизни, так и на случай смерти своим родственникам и чужеродцам. Но как жалованные, так наследственные и купленные земли дотоле оставались за владельцем, доколе он оставался на службе удельного князя; когда же переходил к другому, тогда лишался всей недвижимой собственности в пользу княжеской казны, и сие лишение было тогда почитаемо законным последствием оставления службы, а не наказанием за побег, как сие ныне признается, ибо тогда бояре и детские свободно могли переходить от одного князя к другому, и государственною изменою почиталось тогда только предательство во время войны.

II. СОСТОЯНИЕ КРЕСТЬЯН

Состояние людей, известное ныне под названием сельских обывателей, разделялось в сем периоде на два рода: на свободных и несвободных.

Свободными почитались все крестьяне, водворенные на землях общественных, княжеских и владельческих; они несли государственные и общественные повинности, а за землю платили оброк деньгами, хлебом или работою. Они, по силе добровольных условий, не только могли с одной земли переходить на другую, но и могли сами покупать земли и угодья на собственное имя и пользоваться оными так же, как и прочие

владельцы. Сии земли они могли и продавать, но только подданным тех же, а не других удельных княжеств. Впрочем, сие ограничение простиралось на всех вообще владельцев; даже сами владетельные князья обязывались между собою договорами: «в уделах других земель и сел не купити».

Класс *несвободных людей* состоял: из *холопов полных*, т. е. вечных и потомственных, и *неполных*, или временных *закупов*, которые впоследствии названы *кабальными*.

Полные холопы составляли собственность господина и потому не подлежали ни податям, ни повинностям государственным; даже частные взыскания по долгам обращались не на них, но на господ их.

Состояние полного холопства устанавливалось: 1) по рождению, 2) по добровольному условию, 3) за преступление, в виде наказания, и наконец 4) чрез плен на войне, когда правительство дозволяло продавать военнопленных и записывать в вечное холопство. Не излишне будет сии четыре рода холопства рассмотреть подробнее.

1. Дети, рожденные от рабы, принадлежали господину, исключая незаконных детей самого господина от его рабыни; сии получали свободу и с матерью. Потомственные холопы назывались *старинными* для отличия от новоприобретенных куплею и другими способами.

2. По добровольному условию свободные люди становились полными холопами: а) укреплением себя навсегда в холопство; б) неустойкою по долговым обязательствам; в) вступлением в брак с рабою без всякого условия; г) принятием должности сельского тиуна, ключника или посельского, т. е. управителя, приказчика или эконома.

3. Полное холопство определялось в виде наказания за следующие преступления: за убийство без всякой предварительной ссоры с убитым, за побег закупа (наемного работника) от его господина, за пожар гумна и жилых строений, за кражу княжеского коня. Иногда люди свободные за преступления выдавались князю *на поток*, т. е. в рабство.

4. Военнопленные в сие время редко освобождались без выкупа, но разделялись между ратными людьми, которые их или оставляли у себя в полном холопстве, или продавали другим; в том и другом случае они могли освободиться от рабства только чрез выкуп.

Из сего разделения нижнего класса людей в России явствует, что одни из них, яко люди свободные, могли переходить от одного владельца к другому, не нарушая только заключен-

ных условий. Другие, яко люди несвободные, оставались во владении господ постоянно, исполняя домовые прислуги и сельские работы, по их назначению.

В состоянии свободных людей, *живущих на землях общественных*, произошла важная перемена со времени введения татарами народной переписи в 1257 г.; внесенные в оную как городские, так и сельские жители должны были оставаться на тех землях, на которых застала их перепись. С сего времени поставлено было общим законом, чтоб *численных людей не принимать ни в домовую службу, ни на частные земли для поселения*. Даже самые князья в договорах между собою поставляли правилом: *а численные люди блюсти ны с одного и земель их не купити и закладней не принимати*.

Но свободные люди, *жившие на землях частных*, сохраняли и после сей переписи право переходить с одного поместья на другое.

Полные и кабальные холопы и после народной переписи остались *обельными*, т. е. изъятыми от всех общественных повинностей и от черной татарской дани.

С сего времени произошло различие и между княжескими вотчинами (дворцовыми имениями) *издельными* и *черными*. Первые занимались разными промыслами в пользу князя и несли разные повинности относительно звериной и птичьей охоты, рыбной ловли, скотоводства и проч. Они также занимались работами для частной экономии князя и не подлежали *черному бору*. Но крестьяне, жившие на черных землях, т. е. внесенные в перепись и разделенные на сохи, подлежали общим податям и повинностям и назывались чернососными, а волости их — *черными волостями*.

Между тем татарские баскаки, темники и другие чиновные люди начали заводить в России, преимущественно при городах, собственные деревни, населяя оные своими единоплеменниками и еще более русскими беглецами всякого звания. Сии новые поселенцы были подсудны одним только владельцам тех деревень, а от местных властей и от самых князей были независимы, так что не только *черной дани*, но и никаких общественных податей и повинностей не несли. От того деревни сии получили общее название *свобод*, а в некоторых местах назывались *посадами*, от слова *посадить*, что значило тогда поселить, водворить. Отсюда произошло впоследствии название *посадских*.

Как при таковой льготе слободы (свободы) и посады татарские вскоре сделались богатейшими селениями, то и

самые князья начали призывать *гулящих людей*, т. е. нигде в тягло и соху не записанных, для поселения их также по близости городов и с теми же льготами, каковыми пользовались жители слобод татарских, ограничивая оные только временем. Примеру князей последовали монастыри, а может быть, и некоторые частные владельцы из бояр и других людей сильных.

Таким образом, в состоянии крестьян, сверх прежних двух, основался третий род людей: слобожан, или посадских. По соединении удельных княжеств в одно государство и по уничтожении татарского владычества сии слободы и посады отчасти присоединены к городам, отчасти поступили в общий разряд казенных и удельных селений.

Был ли определен в сем периоде единообразный срок перехода свободных крестьян с одного поместья на другое или же могли они переходить во всякое время с расчетом, по условию, из дошедших до нас актов не видно. С вероятностью, однако же, предполагать можно, что если и был срок, то, во-первых, в разных уделах он был определяем различно, а во-вторых, нигде с точностью не был наблюдаем. От внешних бедствий и от внутреннего угнетения народонаселение России переливалось, так сказать, от одного края до другого. Древние Законные книги, грамоты и уставы наполнены постановлениями о беглых, но сии самые постановления доказывают, что крестьяне были тогда, можно сказать, в беспрестанном движении или побеге.

ПЕРИОД ВТОРОЙ

ОТ 1497-го ДО УЛОЖЕНИЯ 1649 г.

1. О ПРАВЕ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В сем периоде собственность поземельная получила более определительное значение.

Земли, принадлежавшие самому государю и членам царской фамилии, названы *дворцовыми* и составляли полную собственность государя, его супруги и детей их.

Земли, принадлежавшие боярам, детям боярским и разных чинов служилым людям, разделялись на поместные и

вотчинные. Первыми владельцы могли сами пользоваться, но отчуждать их права не имели, ибо они считались государственными землями. Самая передача их во временное пользование другим, в виде роста за долги или внаем, считалась незаконною.

Вотчины разделялись на купленные и родовые. Купленными вотчинами каждый владелец мог располагать свободно, при жизни и на случай смерти. Вотчины родовые дозволено было продавать только родственникам. В случае их отказа от покупки дозволялось продавать и чужеродцу, но в течение 40 лет они могли быть возвращены в род посредством выкупа. Кто родовую вотчину выкупил, тот не мог уже отчуждать оную чужеродцам мимо родственников, и если бы обстоятельства того востребовали, то ему дозволялось продать и заложить оную чужеродцу, не иначе, однако же, как по справедливой оценке, дабы тем не преградить возможности выкупа.

В 1557 г. мая 1 царь Иоанн Васильевич IV запретил монастырям брать в заклад и покупать вотчины без доклада государю и отданные монастырям *в вечной поминок* узаконил выкупать родственникам по цене, назначенной в отказе или завещании. В 1581 г. января 15 постановлено: вотчин в монастыри не отдавать, но вместо оных вносить деньги не только ближним, но и дальним родственникам; когда же и дальних родственников не будет, то вотчины брать на государя, а деньги в монастыри платить из казны.

Бедетный владелец не мог ни продать, ни заложить, ни в монастырь по душе отдать вотчины родовой, если у него была купленная вотчина, а если не было, то ему дозволялось уступить половину родовой вотчины.

По соединении уделов право свободного перехода бояр и детей боярских от одного князя к другому само собою прекратилось; вместе с тем и вотчины постоянно оставались во владении тех же родов. Если же кто бежал в Литву, Польшу или другое иностранное государство, то его поместья и вотчины отписывались на государя в виде наказания за государственную измену.

Нижнего класса люди, не принадлежавшие к дворянскому званию и не состоявшие в службе, так же как и в предшествующем периоде, могли приобретать и владеть землями и угодьями в собственность.

II. СОСТОЯНИЕ КРЕСТЬЯН

Крестьяне и в сем периоде разделялись на людей свободных и несвободных. Первые состояли из крестьян, живших на землях дворцовых, казенных, называемых черными или черносотшными, на землях вотчинных и поместных и на собственных участках.

Несвободные люди состояли по-прежнему из холопов полных и кабальных. Состояние тех и других определялось согласно с прежними законами; к ним в Судебнике положены следующие дополнения.

1) О ПОЛНОМ ХОЛОПСТВЕ

По добровольному условию могли поступать в полное холопство все свободные люди, даже дети боярские, если находились в отставке или не способны были к государственной службе. Родители свободного состояния могли продавать детей своих в холопство и возвращать из оногo, если дети продали себя без их согласия. Но ни тем ни другим правом не могли пользоваться родители, которые сами состояли в холопстве или монашестве в рассуждении детей их, оставшихся на свободе.

Военнопленные оставались в пожизненном холопстве у тех, кому они достались, но дети их были уже свободными. Военнопленный, женившийся на рабе или давший на себя крепость, делался чрез то полным холопом.

Обращение свободных людей в рабство за преступления и отдача князю *на поток* в сем периоде вышли из употребления. За некоторые роды воровства и за утрату чужой собственности виновный отдавался истцу головою, но только до искупа, и состоял в его власти наряду с кабальными холопами.

2) О КАБАЛЬНОМ ХОЛОПСТВЕ

Кабальное холопство означено в Судебнике с большею определенностью. Всякому свободному человеку, кроме состоящих на службе детей боярских, дозволено было давать на себя служилые кабалы, но совершающий таковую запись должен быть не моложе 15 лет, в противном случае кабала не имела силы. В каждой кабале надлежало означать долговую

сумму, за которую вольный человек обязывался служить другому. Сумма сия не должна была превосходить ни в каком случае 15 рублей. При существовании вольного перехода крестьян владельцы укрепляли посредством кабал людей, поселившихся на землях их. Крестьянину свободному во всякое время дозволялось вступить даже в полное холопство к помещику земли или к постороннему владельцу. Но по искам и за долги постановлено было в 1561 г. отдавать ответчиков только в кабальные, а не в полные холопы.

К роду кабальных людей относились так называемые закладни. Они происходили из торговых или ремесленных людей, которые, записавшись в личную зависимость самого князя, или боярина, или монастыря, выходили чрез то из городского тягла и считались оброчниками или ремесленниками того лица, от которого кто зависел.

4) О СРОКЕ ДЛЯ ПЕРЕХОДА КРЕСТЬЯН

Выше было показано, что до издания первого Судебника, т. е. до 1497 г., не было общего срока для перехода крестьян с одного поместья на другое, и весьма вероятно, что обычаи в разных удельных княжествах были по сему предмету различные. В Судебнике в первый раз назначен один срок, и для расчета между крестьянами и помещиком установлена определенная мера платежа. Хотя платеж сей существовал и прежде, но он зависел от взаимных условий, а потому и был предметом бесчисленных исков и тяжб. Назначением определенной его меры правительство желало сократить сии тяжбы и избавить крестьян от излишних притязаний.

В сем состояли важнейшие дополнения Судебника в прежнем порядке отношений между помещиками и крестьянами. От издания его, т. е. от 1497 до 1597 г., через сто семь (?) лет, мы не встречаем никаких замечательных по сему предмету изменений.

В 1597 г., при царе Феодоре Иоанновиче состоялся указ, коим велено возвратить на свои места тех крестьян, которые бежали за пят лет до того года, а которые бежали раньше сего, тех оставить на месте их настоящего жительства. Истинный смысл сего указа состоял в том, чтоб возвратить беглых, т. е. тех, кои оставили прежнее их жительство или не в положенный срок, или не разделившись с владельцами земли установленным в Судебнике порядком. Сие явствует из следующего

соображения. По Судебнику, крестьянин мог оставить помещика, заплатив ему пожилые деньги, возвратив скот, хлеб и другие вещи, у него занятые, и удовлетворив его деньгами, взятыми на расплату с прежним помещиком и для нового хозяйственного обзаведения. Кто, не исполнив сих обязанностей, уходил с поместья, тот считался беглым и подлежал возврату на прежнее жилище. Иски о сем возврате были бессрочные или сорокалетние. Легко себе представить, сколь они были многочисленны и сколь разбор их был многосложен и затруднителен. Дабы положить предел сим беспорядкам и уменьшить количество дел сего рода, указ 1597 г. отсек и прекратил все иски, возникшие за пят лет пред тем, и дал ход тем только из них, кои были не старше сего срока. К постановлению сего срока принято было то основанием, что *в 1593 г. учреждены были переписные книги.*

Невзирая на сие, слова указа: «тех (т. е. бежавших за пять лет назад) оставить в настоящем месте их жительства» про-толкованы были так, как бы ими повелевалось укрепить всех крестьян к земле и навсегда лишить их перехода. Должно ли было попустить сие неправильное толкование или восстановить силу прежнего закона? Разрешение сего вопроса в тогдашних обстоятельствах было весьма затруднительно. Владельцы больших поместий, монастыри и бояре, естественно, желали укрепить свои владения запрещением перехода; мелкопоместные, напротив, желали, пользуясь переходом, населять сколь можно более свои пустопорожные земли. Колеблясь между сими двумя желаниями, царь Борис (1598—1605) искал середины и, вследствие того, указом 1601 г. приостановил переход крестьян вообще; в последующем 1602 г. он разделил вопрос на две части: в больших поместьях, т. е. в церковных, боярских и дворян больших, он запретил переход крестьян, но запретил его только на один настоящий год (в нынешнем 7111 г.⁸⁹) и запретил переселять крестьян как *промеж себя*, так и у посторонних, т. е. запретил переманивать их к большим помещикам от малых; напротив, в малых поместьях, во владениях детей боярских и т. п., он подтвердил силу прежнего закона и не только дозволил переход, но и грозил *опалою тому, кто учнет крестьян из за себя не выпускати.*

Из сего видно, сколь неосновательно мнение тех, кои, судя об узаконениях царя Бориса по одним неверным выпискам, заключали, что при нем так называемый Юрьев день был отменен, между тем как в подлинном акте переход крестьян

был приостановлен на один только 1602 г. и приостановлен не везде, но в одних только больших поместьях.

Пять лет спустя после того, в 1607 г., при царе Василии Ивановиче Шуйском снова подтвержден прежний порядок, т. е. велено возвращать крестьян по переписным книгам 1593 г., но крестьян бежавших, а не тех, кои перешли установленным в Судебнике порядком.

В Уложении (гл. XI, ст. 1, 2, 3, 10) дополнены сии указы тем, что беглых крестьян повелено возвращать помещикам без урочных лет, по писцовым книгам 1626 г. и по переписным книгам, т. е. не наблюдая сроков, постановленных указами 1597 и 1607 гг.

ПЕРИОД ТРЕТИЙ

ОТ УЛОЖЕНИЯ 1649-го ДО 1731 г.

1. О ПРАВЕ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В сем периоде порядок наследования родовых вотчин определен с большею точностию, нежели прежде. Для сего, во-первых, постановлены точные правила выкупа, а во-вторых, последовало совершенное запрещение отдавать родовые вотчины в монастыри; наконец, для поддержания дворянских родов указами 1714 и 1725 гг. учреждено право единонаследия во всех недвижимых имуществах.

Владение населенными землями и угодьями воспрещено людям всех сословий, кроме дворянства; сим отменены древние законы, коими право владения присвоялось всем сельским жителям свободного состояния.

Обладание поместьями в начале сего периода приведено было в соразмерность со службою назначением поместных окладов, но потом сей род временного и ограниченного владения обращен в полную и потомственную собственность. Перемена сия произведена постепенно. Во-первых, указом 1684 г. марта 21 повелено было все поместья после умершего разделять по равным частям между его сыновьями и их потомками, чем отменено прежнее правило, по которому сыновья получали из отцовских поместий только части по их окладам, а остаток возвращался в казну и был назначаем

посторонним лицам в их оклады. От сей перемены поместья, подобно вотчинам, оставались уже в том же роде. Указом о единонаследии 1714 г. поместья должны были составлять общую массу наследства под названием *недвижимых добр.* Наконец, императрица Анна Иоанновна в 1731 г., возвратив прежний порядок наследования, повелела считать поместья наравне с вотчинами под одним наименованием *недвижимых имуществ.* Таким образом, сей вид неполной собственности совершенно прекратился.

II. О СОСТОЯНИИ КРЕСТЬЯН

В сем периоде совершились два важных изменения в состоянии крестьян, водворенных на земле помещичьей: 1) укрепление их земле и 2) укрепление их лицу помещика.

1) УКРЕПЛЕНИЕ ЗЕМЛЕ

Порядок перехода крестьян с одного поместья на другое, определенный в Судебнике, заключал в самом существе своем препятствия, почти непреодолимые. Крестьянин обязан был расчесться с помещиком во всех ссудах его, заплатить пожилые деньги и возвратить скот, хлеб и проч.

Кто был судьей в сем расчете? Никто, или сам помещик. Каким актом крестьянин был обеспечен в том, что расчет точно был окончен? Никаким. Следовательно, каждый крестьянин, перешедший с одного поместья на другое, мог считаться беглым, а беглых велено возвращать сперва со сроком, а потом бессрочно, по переписным книгам. Следовательно, самая перепись 1593 г. лишила уже крестьян если не права, то возможности к переходу. Право оставалось в народном предании, но оно было действительным для тех только крестьян, коих помещики отыскать не могли или отыскивать не хотели, отыскав же, они всегда могли доказать, что люди сии были беглые. Следовательно, по мере того как пустопорожные земли населялись и способы к отысканию беглых становились легче, переход крестьян сам собою затруднялся и наконец совсем пресекался.

Так постепенно и нечувствительно, сам собою, совершился важный переворот в положении крестьян. Они стали *крепкими земле.*

Но сие укрепление не заключало еще в себе ничего личного. По Уложению (гл. XX, ст. 113), запрещено было помещикам на крестьян своих брать служилые кабалы, т. е. укреплять их себе лично, даже и пожизненно, а дозволено было только на вольноотпущенных и других свободных людей, пожелавших вступить в крестьянство, писать ссудные записи, которые прежде все вновь принимаемые крестьяне давали своим помещикам. Каким же образом укреплены стали крестьяне лицу помещика?

2) ОБ УКРЕПЛЕНИИ ЛИЧНОМ

Первая черта сего рода укрепления проведена была в самом Уложении. В 8-й статье главы XI признаны законными поступные записи на беглых крестьян, но признаны таковыми только записи, прежде совершенные; на будущее же время постановлено отдавать беглых натурою (ст. 10).

Но в малолетство царей Иоанна и Петра Боярская Дума, по домогательству помещиков и вотчинников, поступила далее и приговором 1688 г. марта 30 (1293) признала законными поступные записи не только на беглых, но и вообще на продажу вотчинных крестьян с тем только, чтоб они явлены были не в Холопьем, но в Поместном Приказе.

Сим положено было первое основание продажи крестьян отдельно от вотчин и, следовательно, положено начало личного их укрепления. Великая разность: возвратить беглого к земле — это означает, что он крепок земле, или взять за него деньги — это означает, что он крепок лицу.

Впоследствии то, что начато было боярским приговором, довершено двумя законодательными актами: 1) постановлением о ревизии и 2) положением о рекрутской повинности.

1. *Ревизия.* Известно, что два рода было у нас переписей: одна поземельная (писцовые книги), другая, введенная позже, — подворная. Первая учреждена была для податей, другая — для воинской службы. В 1721 г. введен третий род — перепись поголовная, и с сего времени не количество земли и не число дворов, но число душ соделалось основанием всех налогов и служебных повинностей. Таким образом, вопрос о недвижимом имуществе как для правительства, так и для помещика и вотчинника изменился: не спрашивали уже, сколько у помещика земли, но сколько за ним душ. Следова-

тельно, вместо одного совокупного имущества, земли с людьми, у каждого помещика стало два отдельных имущества: земля и люди. К сему присоединилось другое важное обстоятельство: в поголовную перепись велено вносить не одних крестьян, но и всех дворовых людей, т. е. холопов и кабальных людей, и те и другие обложены одинаковою с крестьянами податью. Сим изгладилось различие между крестьянами и холопами: крестьяне поравнялись с холопами тем, что стали крепки лицу, а не земле; и холопы поравнялись с крестьянами тем, что перестали быть полною собственностью владельца, приобрели личность и вошли в состав государства, ибо обязаны стали податью и службою государю, независимо от воли помещика.

2. *Рекрутская повинность.* Она была прежде располагаема с дворов. По составлении поголовной переписи она располагалась уже с числа душ. Тот, кто не имел полного числа душ для поставки рекрута, вступал в складку с другими, т. е. платил деньгами. Следовательно, душа оценена; независимо от земли помещик платил за нее деньги, следовательно, сам имел право продать ее другому. Она была крепка ему.

Так основалось в отечестве нашем постепенно укрепление крестьян сперва земле, потом лицу владельца.

ПЕРИОД ЧЕТВЕРТЫЙ

ОТ 1731 г. ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

1. О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Выше мы видели, что 1731 г. составляет эпоху в истории нашей поземельной собственности. В сем году владение помещное сравнено с вотчинным, т. е. каждый помещик приобрел вдруг право продавать и закладывать по своему усмотрению те самые деревни, коими сначала он владел только пожизненно, потом владел потомственно, но всегда с ограничением в продаже и залоге.

Сия важная перемена, впрочем, была последствием изменения в самом существе поземельного владения. Земли раздаваемы были дворянам в поместья для службы; но когда в службу стали брать всех обывателей без различия и не по

количеству земли, ими владеемой, но по числу душ, положенных в ревизию, когда подати также все перешли с земли на лица, то ясно, что не было уже никакой государственной выгоды различать поместья от вотчины.

С тех пор вотчинное владение соделалось владением в России общим, и сей род собственности сохранился и поныне без изменения. Указ 1731 г. дополняем только был по временам некоторыми подробностями.

II. СОСТОЯНИЕ КРЕСТЬЯН

В состоянии крестьян в сем периоде до 1797 г. не происходило никаких важных изменений. Замечательно только: 1) что правительство разными постановлениями всемерно благоприятствовало добровольному их освобождению от крепостного владения; 2) что слово *раб* в 1786 г. запрещено употреблять; 3) что в Учреждениях дана генерал-губернаторам власть пресекать притеснения крестьян непомерными работами и жестокостями. Но в 1797 г. последовало весьма важное и существенное о крепостном состоянии постановление, а именно ограничено право крепостной повинности трехдневною работою на помещика так, что половина времени и сил крестьянина оставлены в собственное его полное распоряжение. Сей закон считается ныне основным в крепостном состоянии, основным в том смысле, что на нем можно основывать, не колебля настоящего порядка, законное крепостное право, столь же выгодное для помещиков, как и справедливое для крестьян.

Между тем в течение предыдущего и настоящего царствования последовали следующие замечательные по сему предмету постановления: 1) строго запрещено не только продавать и закладывать, но и всякими иными сделками укреплять в услужение крепостных людей разночинцам, 2) запрещено крестьян без земли продавать поодиночке с отлучением от семейств их, 3) установлено особое состояние свободных хлебопашцев и обязанных крестьян, 4) запрещено людей без земли закладывать и продавать за долги их помещиков, 5) запрещается продавать землю из-под крестьян, когда количество ее составляет не более 4 1/2 десятин на душу, 6) запрещается продавать крестьян, доставшихся по наследству разночинцам: они в сем случае поступают в казну с возмездием от нее наследникам.

ОБЩИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

I. В древности крестьяне не были крепки ни земле, ни лицу.

II. Лицу были крепки рабы.

Но рабы не причислялись к состоянию крестьян и составляли сами по себе особое состояние. Они не только были крепки лицу, но были полною собственностью их приобретателя; приобретателями же их могли быть не только дворяне, но все лица свободных сословий.

III. Крестьяне в первобытном их состоянии, как жившие на землях казенных, так и на землях помещичьих, имели одинаковые права и несли одинаковые повинности. Те и другие имели право *перехода*.

IV. Но переход с земель помещичьих ограничен был двумя условиями: 1) расчетом с помещиком в повинностях, 2) одним сроком в году. Те, кои переходили не разочтась или не в срок, считались беглыми, а беглых дозволено было отыскивать и вселено возвращать.

V. Переход крестьян до первой ревизии, т. е. 1721 г., не был воспрещаем, ни отменяем законом общим и положительным; но ограничение сего права расчетом и сроком, ограничение, впрочем, необходимое, послужило поводом к уничтожению самого права. Крестьянину против помещика нечем было доказать правильность его перехода: письменных договоров не было; он всегда мог считаться беглым и в сем виде возвращаем был помещику. Таким образом, всякий переход, даже и правильный, мог быть признаваем бегством, и право перехода, хотя общим законом не отмененное, отменилось само собою на деле. Крестьянин стал крепок земле — *первая степень укрепления*.

VI. *Вторая степень укрепления* последовала с первой поголовной переписи (1721 г.) и с первого рекрутского набора. Каждый должен был вносить подать и отправлять рекрутскую повинность там, где он был записан. За неполного рекрута помещик вносил складочные деньги, следовательно, душа была оценена независимо от земли; помещик платил за нее деньги, следовательно, и сам мог уступить ее другому за деньги. Крестьянин стал крепок не только земле, но и помещику.

VII. Так состояние крестьян, прежде единообразное, разделилось на три сословия: на сословие крестьян, совершенно свободных, сословие крестьян, крепких земле, и сословие

крестьян, крепких земле и лицу; так возникло в отечестве наше сословие крепостных людей. Оно возникло не злоупотреблением, не произволом владельцев, не без содействия правительства, но основалось сперва обычаем, а потом законом, и, следовательно, *состояние сие столь же законно, как и все другие.*

VIII. Чем различается крепостное состояние от рабства? *Раб* весь, душою и телом, принадлежал господину. Запрещено только было его уродовать, но и за сие никакого наказания не назначено. Он не считался в государстве, не был ни в податях, ни в службе. Он переходил из рук в руки как движимое имущество и мог принадлежать не только дворянину, но лицу духовному, обывателю городскому и сельскому. Раб не мог иметь никакой собственности, быв сам полною собственностью другого. *Крепостной крестьянин* принадлежит прежде всего государю; он принадлежит ему податю, им лично платимую, он принадлежит ему еще более рекрутскою повинностию; он обязан в свою очередь стать в рядах государственной воинской службы не по воле помещика, но по закону, наравне с другими государственными сословиями. За сим уже, т. е. по исполнении всех сих главных обязанностей, он принадлежит помещику; но и тут принадлежит он ему не весь, но одною трехдневною работою, т. е. одною только половиною рабочих сил его; остальная же половина его сил и, следовательно, все произведение сей половины есть неотъемлемая, законная собственность крестьянина. Еще более, даже и та половина сил, которая неоспоримо принадлежит помещику, принадлежит ему не даром. Вместе с правом на трехдневную работу помещик обязан доставлять крестьянину средства к пропитанию с его семейством, т. е. обязан наделить его землею, и обязанность сия столько положительна, что помещик не может продать собственной своей земли, не оставив крестьянину, на той же земле водворенному, до четырех десятин с половиною (1827 [т. IX, ст. 631]). Помещик имеет власть отчуждать крестьянина с землею и без земли с его семейством; но отчуждая, он передает другому (и то дворянину, а не разночинцу) не более как то право, которое он сам на него имел, т. е. право трехдневной работы; и, приметить должно, вместе с сим правом он передает и обязанность, на нем лежащую, наделить крестьянина землею.

IX. Посему *законное крепостное состояние* в существе своем есть состояние крестьянина, водворенного на земле помещичьей с потомственной и взаимною обязанностью: *со*

стороны крестьянина — обращать в пользу помещика половину рабочих своих сил; со стороны помещика — наделять крестьянина таким количеством земли, на коей мог бы он, употребляя остальную половину рабочих его сил, трудами своими снискивать себе и своему семейству достаточное пропитание. Сия взаимная обязанность может быть разным образом изменяема, а именно: 1) по воле помещика она может быть передаваема от одного владельца другому или прекращаема по его усмотрению освобождением крестьянина от повинности; 2) по взаимному согласию помещика и крестьянина она может быть заменяема: со стороны крестьянина — вместо трехдневной работы оброком за землю или личными услугами за пропитание; со стороны помещика — наделением крестьянина вместо земли другими средствами пропитания за услуги.

В сем состоит в точном и буквальном смысле ныне действующих законов истинное законное крепостное право в России. Были и теперь могут быть от сего законного порядка некоторые отступления; но, *во-первых*, есть надежда, что сии отступления, и ныне довольно уже редкие, впоследствии при содействии времени, от общего смягчения нравов, от лучших понятий о распределении труда и, наконец, от простого расчета обоюдных выгод постепенно, день от дня соделаются еще реже. *Во-вторых*, как отступление от закона большею частию происходят от неполноты самого закона, то и закон крепостной повинности постепенным и благоразумным его дополнением, без всякого, в сущности, изменения может быть в течение времени приведен в такую ясность и полноту, что отступления от него сами собою должны будут прекратиться.

1836 г.